ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГОСУДАРСТВЕННАЯ 54-ДСК-1927 ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРОЛЕТАРИИ, ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! Цена 2 коп.

Ежемесячное бесплатное приложение к „Коммунару".

ОРГАН ТУЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

№ 11. | Сентябрь 1927 года | № 11.

Молдаванин.

Все новато хмелем, хмелем.
Ныне сердцу нету мер.
Под гитару что то мелет
Молдаванин из Бендер.
Он поет, что кто то свистнет,
Кто то свистнет,
Жиганет.
Желтоокий где то виснет
И мигает огонек.
Рассудительно и мерно
О любви,
И о боях.
Молдаванин,
Ты, наверно,
Не бывал в моих краях!

Там
Вечерними ветрами
Гармонист поет с парнями.
В том краю куют судьбу.
Пляшет сумрак над кострами,
Лунный иней на дубу.
Молдаванин, молдаванин,
Мил тебе один покой:
На засаленном диване
Шерамыжником в пивной.
Не сорвешь ты струны болью.
Я скажу тебе одно:
— Без раздолья твоя воля,
Не хмельно твое вино...

Ф. Гулявин.

О птицах.

Я лежу на душистой траве;
Лень по жилам тихонько струится;
Надо мной высоко, в синеве,
Распростерлись застывшие птицы.

Много песен припомнилось мне
Самых разных времен и народов
О „могучем и гордом" орле
И о соколе „ясном", „свободном".

Сколько жгучих, мучительных дум
И неясных порывов, мечтаний
В них влагал тогда детский мой ум,
Очарованный „птичьею" тайной.

А теперь, вот, взирая на птиц
В беспредельном воздушном просторе,
Перед этою тайною ниц
Не склоняюсь я в детском восторге.

Нет. Мне тесен орлиный простор,
Соколиные выси ничтожны.
То-ли дело стосильный мотор—
С ним пернатая резвость ничто мне.

„Соколам" да „могучим орлам"
Не спою я завистливо гимна;
Моя песнь электронным волнам
Да моторам стосильным.

Н. Барабанщиков.

СТИХИ О ДЕТСТВЕ.

Щекой горящей над лесом луна,
Омут ночей глубок.
К белой косе приползает волна,
Свертывается в клубок.
И, зашипев, уплывает прочь
В мутную гладь реки.
Замершие,
Золотистую ночь
Слушают рыбаки...
Ах, позабытый снящий сон,
Детства дальняя пора!
Волн набегающих шепот и стон,
Дымный жарок костра...
В мглистом тумане приходит рассвет.
Тихая сонь на зоре.
Детству пришлось—
Как костру в траве—
Ранней зарей,
Догореть...

И. Костин.

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б.) И. Сталин.

(. ИГНАТОВ).

Из Костомарова, с сельского шефского собрания, Архипу со студентом лесного техникума Митей Броновым по пути.

Полем дорога.

Темь. Холод.

Бугры да овраги. Споткнешься, далеко загремишь.

Митя—глаза слабые,—спотыкается, за рваный рукав армяка Архипова держится. Архип осторожно ковыляет, на левую врет, на плече мешок с долей шефских подарков болтается. В землю глядя не глядя,—ничего не увидишь. Архип голову назад запрокинул, в небо смотрит.

Смотрит Митя.

Летит звезда, кажется, трещит где-то фейерверк, или слух обманывает... Сыпле над далью темной огни...

Быстро, быстро... Упала.

Нету.

Небе синее, темное, холодное.

— Пойдем, Архип Знобит.

Архип на все согласен:

— И то пойдем.

Идут. В поле ветер. Темь. Холод. Жуть

И снова вздыхает Архип:

— На Марсу... Додумаются!

ровно [illegible] ...ли в отдыхающие мускулы новые силы.

* * *

Застонали в бараке половицы от тяжелого топота ног. Рабочий день окончен. Загудел голосами барак.

— Тетка, Матрен... верти хвостом так и эдак... Давай на стол, что есть в печи,— галдели ребята краснорожей стряпухе

Маслов обводил ножом колесо-коврigу хлебную и в стопку один на один складывал огромные ломти.

— Садись, ребята,—постучал он ложкой по столу.

кругом бессмысленными глазами и [illegible] грохнулся головой, охваченный сном.

Снова полезли в Демкину голову мысли.

Хороводы, девчата.. Маруська Зотова с золотистыми косами, насмешница деревенская. . Последнее свидание у поваленного плетня...

— Эх, прощай все;—махнул Демка головой.

Гудели плечи, ныла спина. Свинцом налитая голова теряла мысли. Отрывки, без связи, бродили в ней... Клонил тяжелый сон. Все—позади... Впереди — новая жизнь...

К. Шапошников.

РАБОТНИЦЕ.

Среди станков,
Среди ремней широких,
Где шестерен,
Какая быстрота,—
Горит в твоих,
Горит глазах глубоких
С большим умом,
Большая красота.

Как много дней
Прожито в буйном цехе,
Как много дней
Прошло по корпусам.
Как много отдано
Веселия и смеха
И грубым, и корявым голосам.

Усталость, что...
Ее не знали плечи.
Ты грустною
Ни разу не была.
Когда-ж грустить? . .
Коль в краснощекий вечер:
Райком,
Ячейка,—
Новые дела...

Ал. Лесной.

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

Гублит № 743. Типография Тулпечати.

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

— Слышь, на Марсе болтают, будто, как земной человек по земле—шаг, по Марсу—трп?

— Не знаю, дед, не слыхал.

— Не зна-аю.. А ученый, книжек читаешь! Коли бы меня то да в обученье, в твои лета. эх..!

В темноте боком на Бронова косится:

— Дурак ты, я посмотрю: книжки читаешь, а все так себе... Дурак, как есть.

Ветер шумит. Холодно. В темноте звучит старческий голос строго и задумчиво:

— Марс. Планета. Астрономия — называется! Дурак ты, а не ученый!..

Митя смеется тихо.

...Ночь холодная, небо синее, темное, далекое...

Строгая ночь, умная.
Ветер строгий.

Пойдем, Архип. Знобит.

Молдаванин.

Все повито хмелем, хмелем.
Нынче сердцу нету мер.
Под гитару что то мелет
Молдаванин из Бендер.
Он поет, что кто то свистнет,
Кто то свистнет,
Жигапет.
Желтоокий где то виснет
И мигает огонек.
Рассудительно и мерно
О любви,
И о боях.
Молдаванин,
Ты, наверно,
Не бывал в моих краях!

Там
Вечерними ветрами
Гармонист поет с парнями.
В том краю куют судьбу.
Пляшет сумрак над кострами,
Лунный иней на дубу.
Молдаванин, молдаванин,
Мил тебе один покой:
На засаленном диване
Шерамыжником в пивной.
Не сорвешь ты струны болью.
Я скажу тебе одно:
— Без раздолья твоя воля,
Не хмельно твое вино...

Ф. Гулявин.

СТИХИ О ДЕТСТВЕ.

Щекой горящей над лесом луна,
Омут ночей глубок.
К белой косе приползает волна,
Свертывается в клубок.
И, зашипев, уплывает прочь
В мутную гладь реки.
Замерзшие,
Золотистую ночь
Слушают рыбаки...
Ах, позабытый сияющий сон,
Детства чудесная пора!
Волн набегающих шепот и стон,
Дымный жарок костра...
В мглистом тумане приходит
рассвет.
Тихая сонь на зоре.
Детству пришлось—
Как костру в траве—
Ранней зарей,
Догореть...

Н. Костин.

О ПТИЦАХ.

Я лежу на душистой траве;
Лень по жилам тихонько струится;
Надо мной высоко, в синеве,
Распростерлись застывшие птицы.

Много песен припомнилось мне
Самых разных времен и народов
О „могучем и гордом“ орле
И о соколе „ясном“, „свободном“.

Сколько жгучих, мучительных дум
И неясных порывов, мечтаний
В них влагал тогда детский мой ум,
Очарованный „птичьею“ тайной.

А теперь, вот, взирая на птиц
В беспредельном воздушном
просторе,
Перед этою тайною ниц
Не склоняюсь я в детском восторге.

Нет. Мне тесен орлиный простор,
Соколиные выси ничтожны.
То-ли дело стосильный мотор—
С ним пернатая резвость ничто
мне.

„Соколам“ да „могучим орлам“
Не спою я завистливо гимна;
Моя песнь электронным волнам
Да моторам стосильным.

Н. Барабанщиков.

СИЛА.

(РАССКАЗ С. ДМИТРИЕВА).

I.

Городишко мал, уныл и тих, в иной час тише всякой деревни.

Посмотреть с того берега реки — увидишь на крутой горе в самые облака уперся городишко двумя колокольнями, по гребню горы темные купы садов, крыши красные и зеленые и скучнейшая серая пожарная каланча.

А по правой, по крутизне — желтыми змейками каменистые тропки к реке, мимо серых домишек, кривобоких, косоглазых, крытых дранкой и тесом.

Это уже не город — Горлодеровская Слобода.

В небе вечерние облака, и в реке спокойной и прозрачной широкие розовые дороги.

За рекой луговой простор, синь нагорных мелколесий, за рекой ширь полей и деревенская тишина.

В далекой заречной деревне, Ольховке, девка Федорка ни сном, ни духом не знала, что в этот вечер предрешится судьба ее, что в безысходной жалобе надо плакать, провожая русое, светлое девичество.

В этот вечер Горлодеровская баба, костлявая, остроносая и остроглазая Додониха, гнала своего мужика, „лешмана", Аникея, бежала за ним босоногая, трепыхая подоткнутым подолом, — в руках у нее был обгорелый рогач.

В тоске и злобе она выла: — Сгинь от меня, нечистая сила, образина пьяная... Утопись, леший окаянный...

Нелепой, грузной и невиданной птицей махал Аникей вниз по тропе.

— Утопись, анафемская душа — истошно взвыла баба и, споткнувшись, она остервенело харкнула в догонку мужику и пошла домой, обдергивая подол.

Это видели все, бабы, мужики, мальчишки.

Видел это нередкое происшествие и Ваняга.

Он сидел на крыльце своего дома, курил, смотрел и не улыбался, словно застыло его коричневое, черноглазое, ушастое и злое лицо. Хватив чересчур табачного дыма, он чапернал, отхаркнулся, а когда поднял голову, в один мах перед ним очутился Аникей.

Ваняга равнодушно выругался: — Што те, дьявол свалил?

Аникей стоял на четвереньках и необузданно хохотал. Сквозь хохот слышно было, как булькало и свиристело в его широкой глотке, и слезы буйного веселья застилали Аникею глаза.

Его качала земля и он, подпирая плечем источенные годами бревна сарая, добрался до крыльца и сел рядом с Ванягой.

— Вот смешная баба, выговорил он, утирая мокрое лицо, возбужденное, пьяное, с играющими, веселыми морщинками, — ат, баба... Утопись, говорит, анафемская сила... Ха, ха, ха... Сама же ведь, сатана, выть будет... Да и мне аль жизнь противна?

Потом Аникей попросил у Ваняги покурить и стал вспоминать его покойного отца.

— Ведь мы с ним, слышь, Ваняга, сам знаешь, какие мы с ним приятели-то были! А? С отцом то твоим, покойником... Вот был... человек... Бывало, придем к Лукичу — подавай нам, Лукич, четвертную! И на что Андриан, бывало и тот против покойного отца твоего не мог выпивать. Мы с ним бывало... А теперь тебе без отца одно осталось — бабу завести. Без бабы ты, как червяк... Поверь моему слову — сгибнешь.

Ваняга и сам думал о женитьбе. Но какая девка пойдет за него, которому нет другого имени, кроме как Митяй, глаза которого редко улыбаются и волосы, как их ни чеши и ни приглаживай — жесткие и упрямые торчмя торчат, выдавая крутой, упрямый характер.

— Найдем невесту... — уверял Аникей. Ваняга, нахмурясь, думал, а потом послал Татьянку за вином.

Татьянка, не мешкая, сбегала к старухе Огузихе и принесла бутылку.

Тогда Ваняга с Аникеем прошли к реке, к старым, пропонявшим тиной и рыбой лодкам и там сели и стали пить и вести разговор о невестах.

— Мне надо бабу хозяйственную, — говорил Ваняга, — такую бабу, штоб, как мужик. Штоб и с лошадью могла управляться и за дровами зимним делом... Штоб баба, как лошадь...

Аникей лез к Ваняге оплеванной бородой.

— Зараз будет тебе такая баба. Есть такая на предмете. Племянница у меня в деревне.

— Главное, по хозяйству штоб.

— Ваняг..., неужто я.. Мы с отцом-то твоим, ай, не знаешь, какие други были... Ваняга...

Ваняге вдруг стало жарко. Он запрокинул голову, обжигая рот вином, и увидел: над горой, над крышами хибарок, в серебряной пыли висела большая желтая луна, краешек ее был заслонен.

Ох, Ваняга....

Ваняга рывком расстегнул ворот рубахи и налился раскаленной силой.

— Почему нет мне званья, окромя Ваняги? Чем я людей хуже? Скажи?

И он стал трясти Аникея за ворот рубахи.

— Скажи, пожалуста!

Аникей закряхтел, он вытаращил валитые мутно голубым светом глаза и, трезвея, заулыбался...

— Вань... Слышь... По дружбе... по дружбе я... Невесту я тебе...

Ваняга отпустил руку, выплеснул из бутылки последки вина:

— Допивай... Гляди, штоб была... баба... по всем статьям...

II.

Синей и глубже стали васильковые глаза и девичья гордость — тяжелая коса Федоркина — заплетена в пучек.

В чужом доме вступила Федорка в новую жизнь, в прочный круг, скованный обручальным кольцом.

С реки тяжело и медленно сизыми
вползает туман по ночам, а когда он белел и уплывал от крапивной и полынной зарослей к реке, и голубое чуть мерещилось в небе, Ваняга вставал.

Ночи были душные, пугали они темным взглядом редко улыбающихся Ванягиных глаз и тошно было Федорке от его ласки и озорной похоти.

Утром Ваняга трезвел и заводил хозяйственные разговоры:

— У нас тут один, Золотой по прозванью, в кратний срок трех лошадей завел, а была у него

кобыленка немудрящая одна, двух коров купил, дом исправил, железом покрыл... Вот как люди.

Натягивая на ногу сапог, Ваняга крепко прикусывал губы.

— А посмотреть на него, на Золотого-то—плюнь, кажись, да растереть.

— Знать по хозяйству хорош,— сказала Федора.

Взяв сапог за розовые ушки, Ваняга, надутый и злой, натянув голенище, стукнул каблуком об пол и передразнил жену:

— По хозяйству хорош! Дура! Хорош по хозяйству! Научи меня, пожалуйста.

Федора стихла, притаилась, она спохватилась, что сказала не так, и не знала, как надо было сказать, чтобы потрафить мужу.

Она виновато посмотрела на него, он всовывал руку в пиджак, сдвинув брови и вытянув губы.

Чтобы не молчать, Федора сказала:

— Знать, счастье ему.

Опять не то сказала Федора.

— Счастье, счастье — понимаешь ты много. Вставай, пора за дела приниматься. Дура! Счастье!

Федора встает, ноют в синих пятнах груди от Ванягиных ласк, наспех одевшись, она идет на улицу.

Сыро промытая, цепью вылезает из-под бревен облезлый лопоухий пес Забегай и тонко повизгивает, виляя хвостом.

— Забегаюшка, тихо кличет Федора.

— А ты нечего с собакой-то, ты делай, делай, аль дела нет?—говорит Ваняга, выводя из сарая круторебрую понурую лошадь.

Федора кладет в телегу с вечера накошенную траву, покрывает ее домотканой дерюжкой и бежит с бадейкой за водой к колодцу.

Как в плену она была в чужом, нелюбимом доме.

III.

Под Федорой качнулся мост, и она схватилась за перила, за нагретый солнцем блестящий брусок дерева.

Она уже не мало времени простояла на мосту.

Баба, что красила лодку, теперь варила хлебово на таганке, а мужик сидел на камне и курил.

Слабо тянулся в белом дыму желтый огонек костерика.

Лодка стояла, блестя новой обшивкой и тоскуя о воде, над лодкой на длинном шесте трепетал красной флажок.

В жаре неподвижно стояли, синея тенями, белые облака.

Счастливая мысль пришла на ум Федоре.

— В женотдел, вот куда итти-то надо... И как же это она, Федора, прежде об этом не подумала...

Пошла в город, кругой тропинкой поднималась к белым облакам, так как казалось, что облака лежат на горе.

На Советской улице ей указали двухэтажный дом и Федора, войдя в открытую дверь, поднялась по грязной лестнице наверх.

Большая надежда розовой радостью волновала Федору: раз женотдел, значит все-ж он может сделать и жизнь Федорину повернет в другую сторону.

Зав. женотделом была в этот день утомлена и нервна.

Она только сегодня утром вернулась из командировки, да еще из какой командировки! Полторы недели она ходила пешком от деревни до деревни, обошла пятнадцать деревень.

Федорка растерянно стояла в коридорчике и только теперь, в это мгновение увидела, что кругом было серо, неприветливо и до страха тоскливо.

Было обидно и одиноко, и не могла Федорка сдержать слез.

— О чем плачешь?

На Федорку глядели участливые глаза.

— Иль чего случилось?

Баба, стоявшая перед Федоркой, была высока и широкоплеча, было у ней скуластое, толстокожее и обветренное лицо.

— Чего случилось-то? Скажи!

Голос был настойчив, лицо мужиковатой бабы понравилось Федорке, и Артемьевна, делегатка из Рыбацкой Слободы, узнала в этот день простую, нечальную жизнь Федоры.

Артемьевна привела Федорку в небольшую комнату, где стучала на машинке светловолосая девица, и усадила на стул.

— Садись-ка, да расскажи твое дело. Товарищ Семенова то где?—обратилась Артемьевна к машинистке.

— На заседании.

— Ну, ин ладно... Рассказывай, бабонька, в чем у тебя дело.

И когда Федора рассказала, Артемьевна вздохнула:

— Ох, бабонька.. Не одна ты так-то маешься... Чего делать станешь! Перво-на-перво, ежели он, изверг, измывается над тобой, в суд надо... Развод можно... К жизни тогда самостоятельно надо приспосабливаться... Трудно это... Не скоро место найдешь... Грамотная ли ты?

— Грамотная. Три года училась в школе.

— Ну, это так-сяк... Ладно.. А жить штоб самостоятельно еще учиться надо... В этом деле тебе поможет женотдел... А там видно... А Ванягу своего не бойся... Не съест. Как видишь, драться хочет, так и беги сюда... А не то, прямо ко мне, в Рыбацкую Слободку, там тебя каждый ко мне проводит... В обиду не дадим.

Говоруньей Артемьевна. Сама немолодая, а голос звонкий и задора молодого в Артемьевне много...

— А, главное, будь храбрей... Помни—не дадим в обиду. Вот, товарищ Семенова освободится, с ней поговорю... А ты заходи..

Бодрым шагом шла Федора домой. Женотдел за нее!

Женотдел—крепкая, несокрушимая сила и силой этой наполнилась и окрепла Федора.

***

Подбоченившись и злой сидел Ваняга на табуретке.

— Где шлялась вчерась полдня? спрашивал он. Правая рука его лежала на столе, тяжелая, жилистая, сжатая в кулак.

— Где шаландалась?—приподнялся Ваняга. Федора, не дрогнув, стояла у стола.

— В женотдел ходила.

— В жен.. от.. дел?

Это для Ваняги было неожиданно. И то, что Федора в женотдел ходила, и то, что стояла она перед ним без страха, и то, что упрямый и решительный огонь горел в Федориных глазах.

— Бить что-ли хочешь? Попробуй!

И Ваняге показалось, что Федора подалась вперед, будто готовясь дать отпор.

Скривив лицо, Ваняга скрипнул зуб о зуб, схватил со стола солонку и, крикнув, пустил ее с размаху в порог.

(Галина Краева).

I. Старый дом.

По шафрановой дорожке
Прямо вверх и вниз,
Ослик, серенькая крошка,
Ты не оступась.
Размечтался глупый ослик
В золотой тиши.
Слушай, ослик! Это—после,
А теперь—спеши.
Дом под алой черепицей
Строил еще дед.
Да и мне не поступиться
Памятью тех лет.
У родной своей калитки
Кто бы не был рад..
Вот и сады, где улитки
Точат виноград.
Роз и снежных и карминных
В нем не перечесть.
Ослик смотрит с кислой миной—
Можно ли их есть?
В доме весело и тесно—
Школа татарчат.
И пионерской звонкой песне
Голоса звучат.
Ухожу с карминной розой,
Сжатою в руке.
Капают и тают слезы
В золотом песке...
Вот у нас нет ребятишек,
Ослик постоим.
Песня глуше, песня тише,
С моря лунный дым.
Детям—счастье, детям—песня,
Розы—тоже вам.
И не жалко, если треснет
Сердце пополам..

II. Продавщица роз.

Веселые и быстрые
Прохожему случайному,
Горячая смуглянка искры,
Протягивает чайные.
Когда ж потемки стелятся—
Свою любовь и розы
За сущую безделицу
Дают они матросам.
И пусть на завтра грозы,
Корабль вихри, ветер;
Но память будет розой
Остывшую метить...

Дружеский шарж.

Поэтесса Галина Краева.

III. Закат.

Вот закат горящей феской
Машет на скале,
И горит пунцовым блеском
Путь к Сухум-Кале.
Феска вспыхнула, сгорела.
Тень и тишина.
И серебряной макрелью
Выплыла луна.
В абрикосовой долине,
В кабачке светло,
И смеется мандолина
В удалом „матло".
И, хотя на белом пляже
Мандолины нет—
Волны маленькие пляшут
Лунный менуэт.
Море моет бирюзою
Скалы—жемчуга.
Хорошо б ему грозою
Ахнуть в берега.
Скачет козочкой зарница.
Чтобы ей помочь?..
. . . . . .
И кому то счастье снится,
И колдует ночь.

Из цикла „Будни"

I

От грусти, от скуки,
В ковыльный покой,
Подняв кверху руки,
Ты песню запой!
В рябиновый вечер
Туманится бор,
Любимые плечи,
Глаза.. Разговор...
Помятые тропы
И встреч, и разлук,
Березовый ропот,
Осиновый стук.
От грусти, от скуки,
В ковыльный покой
Подняв кверху руки,
Ты песню запой!
И мускул железней,
Богровей загар
И песня за песней
И бунты гитар..
Погодную злую
Не трудно понять..
.....Мы мать поцелуем,
Уйдем воевать..
„Буденного" гаркнем,
Свистя по полям,
Чтоб было-бы жарко
И небу,
И дням!..
От грусти,
От скуки,
В ковыльный покой,
Подняв кверху руки,
Ты песню запой!.

II

От того-ль, что целовал закат
Золотом затяжелевший куст,
Я сегодня полон и богат
Расцветеньем бубенцовых чувств.
За окном все крепко, крепко спит,
Выходить на улицу не надо..
Заблудившись, ветер прошумит
По тропе заброшенного сада..
Задрожала, сорвалась звезда,
Накопилась в тень, за буераки..
Весело гуторят поезда.
И воют в пустырях собаки.
Не стучи ты так,
Ну, подожди!!
Ну, чему ты, сердце мое, радо?..
Голубые стылые дожди
Пролились над головою сада..
От того-ль, что под'оконный клен
Отекает золотою кровью,
Нынче я богато одарен
Песнями,
Томленьем
И любовью.

Александр Лесной.

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НУЖЕН...

Груда анкет, испещренных разными почерками и всеми цветами чернил.

Каракули и каллиграфический почерк.

Это мысли читателя о газете „Коммунар“ и „Молоте“. Что нравится ему и что не нравится. Чего недостает и что еще нужно ввести в печать.

Предложения ценные.

Вот короткие замечания читателя о „Молоте“.

„Выпускать „Молот“ нужно обязательно. Нужно улучшить шрифт“.

„Необходимо расширить журнал, хотя бы путем увеличения подписной платы. Очень хорошее приложение“.

„Приложение занимательно. Нужно“...

„Даже необходимо нужно. Вещь хорошая. Но надо сказать, чтобы не скупилась редакция увеличением формата“.

„Приложение очень интересно. Оставляет хорошее впечатление“.

„Приложение ценно. Забавно почитать“.

„Очень считаю нужным. Прошу издавать“.

„Очень нужно — для семьи“.

„Обязательно, только печатать произведения способных писателей“.

Таких отзывов больше тысячи. Неудовлетворительных же отзывов всего около 200. На обсуждение вопроса (поставленного в предыдущем № „Молота“) об увеличении и улучшении журнала читатель также откликнулся.

Вот несколько выдержек из писем читателей:

„Нужен ли Туле большой литературный журнал? Я считаю, что нужен. Он будет таким гораздо интереснее для читателя. Я думаю, нужно бы провести беседы по фабрикам и заводам: что скажут рабочие о местном журнале. Ю-ый“.

„Я беседовал с рабочими о журнале „Молот“,— пишет тов. Берфель.— Да, журнал нужен, говорят рабочие завода № 1. Печатаемые в „Молоте“ произведения мы понимаем, читаем и любим. И ждем выхода хорошего большого журнала“.

„В „Молоте“ много художественных рассказов и хороших стихов,— пишет тов. Башка.— Большой журнал нужен. Кроме того необходимо издавать сборники рассказов и стихов. В этом будет залог хорошего дела. Это принесет большую пользу читателю“.

Сергей Преображенский (из Рязанской губ.) пишет: „издание журнала для Тульской губ. необходимо. Размер журнала должен быть не менее, чем „Огонек“, с помещением в нем как иллюстраций, так и литературно-художественных произведений. Журнал сделать двухнедельным. Судя по „Молоту“, надо сказать, что писательские силы в Туле есть“.

Рабкор В. Князев пишет: „При выпуске журнала редколлегии не надо забывать следующее: чтобы завоевать симпатии рабочих, нужно журнал сделать интересным,— захватить рабочую массу своими живыми рассказами. Нужно отказаться от слабых произведений. Не нужно очень гнаться за стихотворным материалом: он рабочей массе непонятен. В журнале следует давать картины бытовой жизни, дать немного юмора. Этим только можно создать живой журнал. Начинание выпуска журнала приветствую. Он даст молодым писателям развитие“.

Дружеский шарж.

Рабкор и писатель К. Шапошников.

СТИХИ О ДЕРЕВНЕ.

Смеркалось.
Сдвигались тучи
За дальние ленты лесов,
Чернея, речное излучье
Лежало, большой полосой
Река проходила без шуму,
Запрятав концы в синеве...
О городе
Светлую думу
Таил я в своей голове.
И вдруг,
Точно крылья голубки,
Послышался резкий всполох
Смотрю:
Аграфена
И юбка
От ветра клубится у ног

— Здорово!
— Здорово!
— Далеко?
— Собранье назначено в шесть.
Я тронул рукою за папку:
— Конфликты, наверно, есть?
Вскинула черные брови
— Нет, уж у нас ничего.
Лежат тут листы продналога
— А как у вас платят его?
Ответила живо и четко:
— Как следует.
Ты думал нет!

. . . . . .

Ах, как порезвела молодка
За эти 10 лет!

* * *

Мне сегодня моргнула в окошко
Серебристою стрункой капель
Я припомнил обвитый горошком
В огороде родимый плетень.
Говорят, что обычай древний
Тосковать, вспоминать городьбу.
Хоть и много врагов на деревне,
Но друзей я там больше найду.
А машина, она не слиняет,
С нею встретимся мы у плетня.
Пусть грохочет тогда и швыряет
Золотою соломой в меня.

М. Кольчугин.

От редакции „МОЛОТ".

С следующего № журнал «МОЛОТ» будет выходить в увеличенном размере, на хорошей бумаге, художественно иллюстрированным.

В журнале будут помещаться ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ: повести, рассказы, очерки, стихи с художественными иллюстрациями.

Кроме того, в журнал вводится ОТДЕЛ САТИРЫ и ЮМОРА с рисунками.

В этом отделе, кроме сатирических фельетонов, будут печататься заметки разоблачительного характера под заголовком «НА МУШКУ».

Для начинающих писателей и поэтов будет введен отдел «ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ОПЫТА». В нем будут печататься рассказы, очерки и стихи выдвигающихся из рабкоров писателей и поэтов.

Страницы журнала будут иллюстрированы ФОТОГРАФИЧЕСКИМИ СНИМКАМИ из местной жизни.

В журнале принимают участие:

ПИСАТЕЛИ: С. Дмитриев, В. Дубенская, Игнатов, И. Кожухов, С. Корнев, М. Кольчугин, М. Колябская, Ф. Кузнецов, Алексей Медведев, В. Старцев и другие.

ПОЭТЫ: Н. Барабанщиков, В. Иванов, Г. Краева, И. Костин, Ал. Лесной и другие.

САТИРИКИ: Володька Питерский, А. Александровский, Т. Похмельнов и другие.

ХУДОЖНИКИ: В. Гильберт, Ал. Ларчев, В. Сэпп и другие.

Первый номер нового журнала выйдет к 7 ноября (к 10-й годовщине Октябрьской революции) и будет разослан подписчикам «Коммунара» бесплатно.

Следующие номера журнала будут выходить также приложением к «Коммунару», но уже ЗА ПЛАТУ (подписная плата будет об'явлена особо в газете «Коммунар»).

СПРАВКИ по сотрудничеству в редакции журнала (помещается в ред. «Коммунара») от 11½ до 1½ ч. дня у секретаря.

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

Гублит № 768. Типография Тулпечати.